

Дмитрий
Мережковский

ЛИЦА

ПАВЕЛ.
АВГУСТИН

УДК 82-311.6
ББК 83.3(2Рос=Рус)
М52

Мережковский, Д.

М52 Лица. Павел. Августин / Д. Мережковский. — М. :
T8RUGRAM, 2018. — 218 с.

ISBN 978-5-521-78916-0

Дмитрий Сергеевич Мережковский (1865–1941) — известный русский писатель, поэт, литературный критик, религиозный мыслитель, творчество которого входит в сокровищницу мировой литературы.

Первая часть трилогии «Лица святых от Иисуса к нам» — «Павел. Августин» — удивительная книга, совмещающая в себе беллетризованную биографию и исторический роман с религиозно-философской проблематикой, главной темой которой является выявление путей развития Христианства и всего человечества. Обращаясь к образам великих фигур христианского Запада — Павлу, апостолу язычников, выведшему Церковь за пределы Израиля, и Августину, свидетелю крушения Рима, Мережковский описывает страшную картину современной ему действительности: победу тоталитаризма и атеизма, первые проблески войны...

УДК 82-311.6
ББК 83.3(2Рос=Рус)
BIC FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-78916-0

© T8RUGRAM, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

I. ПАВЕЛ.....	5
II. АВГУСТИН.....	111

І. ПАВЕЛ

І

Первый святой — Павел; в нем первая точка пути от Иисуса к нам. Были, конечно, и до Павла святые — ближайшие к Иисусу ученики; но святость тех — иного порядка, чем Павлова: та — в вечности, в мистерии; эта — во времени, в истории. Лица у тех не совсем человеческие; лицо Павла — совсем: те — небесные, это — земное; те для нас уже почти невидимы, первое видимое — это. Первый, по Воскресении слышимый нами, голос, возвещающий Христа, — голос Павла.¹

Павел первый святой для нас, но не для себя, по вечному закону святости: чем для других святее, тем грешнее для себя. Цену себе он знает: «Нет у меня ни в чем недостатка против высших Апостолов» (2 Кор. 11, 5). — «Слуги Христовы — они? В безумьи говорю: я больше, я гораздо больше» (2 Кор. 11, 23).

«Лучше мне умереть, чем уничтожить мою похвалу» (1 Кор. 9, 15). Это последнее он говорит уже не «в безумьи». Мы удивлены: слишком это не похоже на то, что мы считаем святым. Но, может быть, и Павел удивился бы, если бы узнал, чем он свят для нас. «Что ты Меня на-

¹ Первое, об Иисусе, письменное свидетельство, лет на 20 раньше евангельских, — Павлово: 1 Фессал. — от 50 года, а древнейшее Евангелие, Марка, — от 70-х годов.

зываешь благим (святым)? Никто не благ (свят), кроме одного Бога», — может быть, ответил бы нам и Павел, как Иисус. «Братия», члены Тела Христова — Церкви, святы для Павла все равно, хотя и по-разному, потому что быть в Церкви, в Теле Христовом, и значит для него быть «святым». Очень бы он удивился, если бы узнал, что это для нас уже не так; что «Церковь» может значить: святые не в Церкви и в мире, а только в Церкви; один-два спасшихся на тьму погибающих; звезды во тьме, не внешней, — мира, а внутренней, — самой же Церкви; точки живые в мертвом теле не мира, а самой же Церкви, — страшно сказать, — самого Христа. Очень бы удивился Павел, а может быть, и ужаснулся, если бы узнал, что могут быть такие «святые», что будет и он таким.

«Первый святой»? Нет, «в мир пришел Иисус для того, чтобы спасти грешников, из них же я — первый... Я для того и помилован, чтобы Иисус... показал все долготерпение свое на мне первом» (1 Тим. 1, 15–16). — «Братья, я себя не почитаю достигшим (святым)... а только стремлюсь... к почести высшего звания» — святости (Флп. 3, 13–14).

Слов пустых нет у Павла; не пустое слово и это: «после всех явился и мне (Иисус, по Воскресении), как некоему извергу, *ektrómati*» (1 Кор. 15, 8). Великий святой и великий грешник, «изверг», в одном лице, — может ли это быть и что это значит, — мы не понимаем. Видим только лицо Павла, а сердца его не видим, не знаем, может быть, потому, что самое невидимое в мире, неизвестное для грешных, — сердце святых.

Первый святой — Павел Неизвестный. Им начинается какой-то путь, а за ним, — ряд святых, как бы таинственных вех или сторожевых огней на пути. Чей это путь, откуда и куда он ведет, мы тоже не знаем или не хотим знать. Но если бы мы поняли, что и эти святые для нас такие же все, как Павел, Неизвестные, то, может быть, мы поняли бы и то, куда и для Кого проложен этот единственный путь от Иисуса Неизвестного к нам.

II

Лучше всего мы узнаем о жизни Павла от него самого.

«Я — Иудей, родившийся в Тарсе Киликийском, воспитанный в этом городе (Иерусалиме), при ногах Гамалиила, тщательно наставленный в отеческом законе, ревнитель по Боге, как и вы все», — напоминает, не без гордости, Павел Иудеям в Иерусалиме (Деян. 22, 3), а также Иудеям в Риме: «Я — Израильтянин от семени Авраамова, колена Вениаминова» (Рим. 11, 1). И царю Агриппе узник Павел напоминает: «Жизнь мою, от юности, проводил я, сначала среди народа моего, в Иерусалиме... Я жил фарисеем, по строжайшему, в нашем исповедании, учению» (Деян. 26, 3—5). «Мы — Иудеи прирожденные (святые), а не из язычников (Эллинов) грешники». — «Я преуспевал в Иудействе более многих сверстников в роде моем, будучи неистовым ревнителем отеческих моих преданий», — скажет он возлюбленным, но неверным и «несмысленным», детям своим, Галатам (2, 11—15; 1, 14); и уже в конце жизни, — Филиппийцам (3, 5—6), тоже детям своим, возлюбленным, но верным и умным: «Я — обрезанный в

восьмой день, из рода Израилева, колена Вениаминова, Еврей от Евреев, по учению фарисей... по правде Закона, непорочный».

Так утверждая в себе Иудейство, как единственную исходную точку всей своей жизни, Павел только наполовину прав, потому что не одна у него исходная точка, а две, — два лица, две души: эллинская, — явная, дневная, и тайная, ночная, — иудейская. Вся его жизнь — «смертное борение», «агония» этих двух душ; весь день его — Гефсиманская ночь. Сам в нее вошел и вовлек весь мир. Как и чем? Только узнав это, мы узнаем Павла Неизвестного.

III

Родина Павла — столица Римской области Киликии, незапамятно-древний, хеттито-ханаанский город Тарс, отстроенный заново Помпеем, в 63 году до Р. Х., на юго-восточном берегу Малой Азии, по узкой цветущей равнине, почти у самого моря, на берегу Кидна-реки, чьи прозрачные воды несут и в знойные долины свежесть горных снегов. Море — к югу, а к северу — снеговые вершины Киликийского Тавра.

Пришлое население Тарса, — купцы, наемники, блудницы, пророки чужеземных божеств, а также великие философы и маленькие риторы, — смешивает, уже со времен Диадохов, древнее Семитство с новым Эллинством.

«Жители Тарса отличались такой любовью к наукам, что превосходили в них Афины и Александрию», — сообщает Страбон. Павел, в Тарсе, недаром надышался с детства эллинским воздухом. Знал, конечно, тогдашний еврейский или, точнее, арамейский школьный язык;

но, судя по тому, что выдержки из Ветхого Завета, в Посланиях, никогда не приводит в еврейском подлиннике, а всегда в греческом переводе LXX Толковников, — лучше знает простонародно-всемирный, всеэллинский язык, так называемый *koine*, чем арамейский; тот, чужой, будет для него родным, а этот, родной, — чужим.

Здесь только, во всемирном Эллинстве, — вторая для него родина, та самая, где «нет ни Иудея, ни Эллина, ни варвара, ни Скифа, ни раба, ни свободного» (Кол. 3, 11), а есть одно или Один; Кто, — этого он еще не знает в те юные годы, но как жадно хотел бы узнать, как чутко прислушивается к страшному уже для него и блаженному веянию этого нового, всемирного Духа!

IV

Года его рождения мы с точностью не знаем; но, судя по тому, что при первом появлении своем, в 31—32 году, Павел, в «Деяниях Апостолов» (7, 58), назван «юношей», *neanias*, а в 63 году он сам себя называет «старцем», *presbytes* (Флп. 1,9), — Павел почти ровесник Иисуса, — только на три, на четыре года моложе Его.

«Савл», *Schaul*, — имя иудейское, по обрезанию; «Павел», *Paulus*, — римское, по римскому гражданству.

Два эти имени — как бы внешний знак будущей в нем внутренней двойственности. Сколько бы Павел, уже обратившись, ни убеждал себя, что «нет во Христе ни Иудея, ни Эллина», — он никогда не примирит их в себе, вечно будет между ними раздираться, не зная, как мы того не знаем, — кто же он сам, настоящий, и кто его двойник, — Савл или Павл, Иудей или Эллин?

Судя по тому, что Павел родился в «римском гражданстве», *civitas Romana* (Деян. 22, 28), предки его заслужили или приобрели это почетное, больших денег стоившее звание; или, что вероятнее, приобрел отец: значит, умел разбогатеть, знал толк в делах, был житейски умен и ловок. Эти свойства отца унаследует и приумножит сын, но уже не для себя, а для своего великого дела. Пользоваться будет и римским гражданством, умно отстаивая, в нужных случаях, перед властями, тоже не для себя, а для дела, законные права свои и человеческое достоинство.

V

Так же, как во всех иудейских, старозаветных семьях, где одно и то же ремесло передается из рода в род, научился, должно быть, и Павел ремеслу отца. «Нуждам моим и бывших при мне послужили вот эти руки мои», — скажет братьям Эфесской общины (Деян. 20, 34). «Делатель шатров», *skēporoíos* (Деян. 18, 3), или «обойщик», по-нашему, изготавливает он из длинных полотнищ грубой козьей шерсти, *silícium* (названной так по месту, откуда она привозилась, Киликии), те островерхие, черные шатры, какие можно видеть, и в наши дни, в пастушьих кочевьях, на горах Киликийского Тавра.

VI

Павел будет всю жизнь помнить то, чему научился в Тарсе отрок Шаул, не только в стенах иудейской школы при синагоге, но и под открытым небом, на площадях и улицах, в нимфеях и портиках, в банях и на торжищах,